

Роман Воликов
Вдова героя

Роман Воликов

Вдова героя

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Воликов Р.

Вдова героя / Р. Воликов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Людей неинтересных в мире нет, их судьбы — как истории планет. У каждой все особое, свое, и нет планет, похожих на нее. А если кто-то незаметно жил и с этой незаметностью дружил, он интересен был среди людей самой неинтересностью своей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вдова героя

Дочь аксакала

Другое я Серафимы Глухман

ВДОВА ГЕРОЯ

Вообще-то, я не очень хотела уезжать из Америки. Что за блажь, русский писатель должен жить на Родине. Тургеневщина какая-то. Хотя сам Тургенев полжизни провёл в Европе. Когда границы и стены только начали рушиться, возвращаться обратно? Нет, эта идея меня совсем не прельстила. Но Саню не переломишь, он точно как тот телёнок, что бодается с дубом.

В шестьдесят восьмом мне было двадцать девять лет. Математическая куколка, дом, семья, работа, надо было закончить с отличием мехмат МГУ, заметьте, девушке из нормальной московской семьи, про которую решительно все думают, что у неё исключительно тряпки на уме и женихи, желательно из сферы внешней торговли, чтобы заниматься статистическим анализом плановой социалистической экономики. Господи, прожив столько лет в свободном мире, я только сейчас понимаю, какой ерунде были посвящены мои дни, с понедельника по пятницу, с девяти до шести, обед сорок пять минут в институтской столовке, нередко трудовой порыв по субботам, когда очередная годовщина пролетарской революции или какой-нибудь другой праздник гегемонов. Какой анализ, какое планирование, всё давно спланировали Ленины и Сталины, Бонч-Бруевичи и Берии, катись колбаской по улице Спасской, страна большая, дураков много, где не хватит хлеба, спирта подольём. «Господа офицеры, всё идёт по плану, нас ведут в тюрьму!» – так Саня пошутил в тот вечер, когда мы познакомились, и он спросил, где я имею честь проводить большую часть жизни. Так и сказал вместо «Где работаю?» – «Где имею честь проводить большую часть жизни?»

Помню, что хмыкнула про себя: «Тоже мне новый Лев Толстой, «зеркало русской революции» и ответила невпопад: «Вообще-то, я замужем». Саня только улыбнулся своей монгольской улыбкой.

Мы все тогда бесились, наш круг – столичные леди с высшим образованием, чуть старше двадцати и чуть младше тридцати, замужние и не очень. Мужчины, существовавшие рядом, казались данностью, не то чтобы указанной сверху или снизу, просто предоставленной самими обстоятельствами жизни. Они были спортивны, наши мужчины, мы тянулись за ними, в каком-то оголтелом окаянстве догнать, обогнать, опередить, если на лыжах, то несколько дней подряд по заснеженной Карелии, ночевать в палатке, молиться на закопчённый примус, чтобы не погас от ночного ветра, если в горы, то до изнеможения, до травм, до обморожения, у моего мужа Андриюши так и ампутировали две фаланги на правой руке после того дурацкого восхождения на Эльбрус.

Наши родители, пережившие войну, смотрели на нас с трогательным изумлением, для них мы навсегда остались чадами, по раннему малолетству не помнившими вой сирен, бомбёжки и нестерпимую, невыносимую голодуху. Так же смотрел на нашу дружную компанию, распевавшую визборовский «Домбайский вальс», и Саня в тот первый вечер знакомства. Представляю, каково ему было, после стольких лет фронта и лагерей, слушать эти наивный, простодушный вальс.

– Светлова! – позвала меня Жози. – Познакомься, это Александр Исаевич.

– Саня! – сказал он. – Я ещё не такой старый!

«Действительно, – подумала я. – Какой пустяк, пятьдесят лет! Говорят, некоторые и в восемьдесят детей делают».

В гостеприимной квартире Жози, Жозефина Даладьё, всё настоящее – и имя, и фамилия, папа – французский коммунист, из коминтерновских, сгинул в НКВД в занюханном тридцать

девятом, мама – из почтенной московской польской семьи, в сорок четвертом, оставив крошку Жози бабушке, ушла доброволькой в Войско Польское, погибла при форсировании Одера, на лето бабушка и дедушка благоразумно отправляются на дачу, оставив внучке пространство выискать наконец постоянного спутника жизни, тесно, накурено, натоптано. Саня морщится: «Я не курю. А пойдёмте гулять в сквер. Погода такая чудная!».

Мы гуляем, почти не разговаривая.

– Светлова? – спрашивает он.

– К поэту Светлову не имею никакого отношения, – выпаливаю я. – Я сама по себе.

– Я, в общем-то, тоже, – смеётся он.

Разумеется, я знаю, кто он. Разумеется, я читала этого его Иванденисовича. Мне, кстати, не понравилось. Язык суконно-тяжёлый, производственная повесть на особую, конечно, тему. И письмо это его читала, съезду советских писателей, которое разлетелось самиздатом по всей Москве, где он предлагает отказаться от всяческой цензуры и жалуется, что его, болезного, никто печатать не хочет. Неужели он такой наивный?

– Вы, правда, думаете, что власть может отказаться от своих завоеваний? – спрашиваю я. – В пятидесятилетие Октября, победив в войне? Полмира уверено, что мы тут строим светлое будущее.

– Нет, конечно, – говорит он. – Я понимаю, что из пушки по воробьям не стреляют. Но кто-то же должен первым вступить на заминированное поле.

«Хитрый какой! – думаю я. – Герой! Верно, считает, что каждая должна бросаться ему на шею».

В следующие выходные я допросила Жози.

– Он ловеласничает, – сказала Жози. – Вполне объяснимо, лучшие годы жизни прошли за ключей проволокой. Жена есть, живёт в Рязани, кажется, химик по профессии. Между прочим, зовут Наташа. У них был свой кавардак, когда он сидел, она вышла замуж, неформально, по-настоящему, когда освободили, вернулась. Но, думаю, всё равно кошка пробежала.

– У тебя с ним было? – спросила я.

– Один раз, – сказала Жози. – Признаться, он оказался не в моём вкусе. Стопроцентный эгоист. Мне второго евтушка не надо.

– Твой евтушэк регулярно процветает в Америке. Не хочу копаться в чужом белье, но выглядит подозрительно: свободный въезд-выезд из СССР, просто любимый поэт товарищей в штатском. Как там – «поэт в России больше, чем поэт».

– Евтушэк – мальчик смышлёный, – сказала Жози, – хоть и иркутская деревня. Да пусть стучит, можно подумать, его доносы кто-то всерьёз воспринимает. Зато вольная жизнь, не то, что наше болото. Жаль, что с ним невозможно находиться больше одного вечера, либо с ума сойдёшь, либо его удушишь, чтобы этот поток самолюбования остановить. Не поняла, дорогая, ты же замужем.

– Прости, ты о чём? – невозмутимо ответила я.

Я не хотела разрушать семью, ни свою, ни его. Но есть нечто, что выше нас. Может быть, бог, я, в отличие от Сани, всегда была атеисткой. Неважно, как это называется, важно, что это нечто не интересуется нашим мнением. Август, «голоса» навзрыд рыдают о советских танках в Праге, я дома одна. Муж с сыном уехали в Крым, через несколько дней я получаю долгожданный отпуск и должна к ним присоединиться. Телефонный звонок.

– Он умоляет тебя приехать, – сказала Жози.

«А почему не сам, – подумала я. – Не переносит отказа?»

Я приехала. Саня отрастил бороду, став похожим на средневекового Аввакума. Мы говорили на жозиной кухне до утра. В его ногах фанерный чемоданчик, неброский.

– Здесь рукописи, – сказал Саня. – «Архипелаг», «Раковый корпус», всё самое существенное из того, что я написал. Тучи надо мной сгустились предельно. Начинается встречный бой. Утром схороню их на квартире у надёжного человека.

– Так ли всё это серьёзно, – говорю я. – Больше похоже на детскую игру: разбойники прячутся, казаки ищут. Как это было с Бродским. Суд, тунядец, раскричались, растрезвонили на всю округу, а в результате поехал на два года в милую архангельскую деревню. Я видела его вскоре после возвращения из ссылки, розовощёкий, поздоровевший, с ворохом новых стихов. Нынешняя власть не расстреливает, натура хлипковата.

Саня не отвечает и вдруг начинает жаловаться. На всех, на друзей, на Трифоныча (когда пьяный – позёр, как трезвый – ни вашим, ни нашим, незавидная судьба у главного редактора «Нового мира»), больше всего на жену.

– Она не понимает, – говорит он. – Не понимает самого главного. Она считает, что я писатель, корит меня стилем, находит полезным давать советы, считает, что я исчерпал себя в лагерной теме. Ставит в пример Шаламова. А что Шаламов? Переломанный Колымой человек, перековерканный, не способный уже никогда к нормальной жизни. И литература у него такая же, на грани самоубийства. Я не писатель. В том смысле, которое сейчас придаётся этому слову. Писатель это Симонов, это Федин, это Дудинцев. Вот Боря Можаев стал писателем. Даже Шаламов превратился в писателя. Это у них – задача, композиция, социальная востребованность, психологическая разработка характеров, можно подумать, что характер это математическая формула, которая подлежит разложению и делению. У меня другое право – говорить истину. Истина же заключается в том, что этот строй надо уничтожить, извести, как позорное пятно в истории народа. И я эту истину говорю, меня Господь назначил на это.

Саня раскачивается из стороны в сторону, иногда сжимая ладонями виски. Потом я множество раз видела эти его цирковые сцены, в разных странах и при разных обстоятельствах, но, и виденные уже, они всегда производили на меня мощное впечатление. Плох тот актёр, что не верит в произносимый текст. Я слушала этот его панегирик самому себе и вдруг всё поняла.

Он придумал гениальную схему. В его сегодняшнем положении так легко сбежать из Союза, его выпустят, я не сомневаюсь, баба с воза, кобыле легче, и что потом. Оказаться на неделю объектом ветреной европейской моды и всю оставшуюся жизнь влачить жалкое существование полузабытым эмигрантом. Спиться можно и дома, невелика наука, зачем тогда было нужно начинать войну с властью.

А если по другому, если торчать здесь, балансируя на краю пропасти, вести себя предельно вызывающе, ведь знает, лагерный волк, что не посадят, когда иностранные газеты через день пишут о замордованном, затравленном честном русском писателе. Если довести дело до Нобелевской премии, ведь дадут, дали же когда-то Пастернаку, который находился в подобных обстоятельствах, просто Пастернак обосрался и побежал отказываться, если добиться, чтобы под белые ручки, в двадцать четыре часа выставили из Союза, пусть и из тюремной камеры, пуганный, не испугаешь, тёртый, не перетрёшь, вот слава настоящая, на веки вечные, и можно поучать на лекциях тупых американских студентов, и давать интервью, и обездоленным помогать, вот тогда ты настоящая величина, не дешёвая копейка, а серебряный рубль.

Саня смотрел на меня и предлагал союз. Я решила, не сомневаясь. От предложения стать королевой не отказываются.

Как мы жили с шестьдесят восьмого по семьдесят четвертый год? Впроголодь жили. Саню публиковали за границей, но как оттуда получишь деньги? Даже если бы представилась возможность, так засыпаться глупо: виднейший советский диссидент финансируется западными спецслужбами. Именно так это преподнесли бы. Не по-царски.

На мою зарплату жили, на мамину пенсию. Ростроповичи великодушно предоставили флигель в своей большой даче, на крохотном пространстве, обогреваемым печкой-буржуйкой я, Саня, дети. Помню, купили на Белорусском вокзале несколько десятков дешёвых яиц, трёх-

литровую банку молока, полную сумку макарон, гречки, пшена, я беременная, еле допёрли через поле до дачи. Галя и Слава встречают у калитки с шампанским: «Саня, поздравляем! Ты лауреат Нобелевской премии». Знаете, каково это, знать, что где-то в Стокгольме лежит в банке твой миллион долларов, а мы лопаем макароны с тушёной. Не знаете, и дай бог вам не знать.

Тогда, после объявления о вручении Сане Нобелевской премии, со мной первый раз произошла истерика. Наташа I категорически не давала развод, суд тянул волынку. Саню давили любыми способами, так сладко надеяться, что он окажется размазнёй Пастернаком. Саню могут выставить из страны в любую секунду, а я с детьми останусь здесь, навсегда. Я думала, что сойду с ума. Саня, позеленевший, измождённый, сел в электричку и поехал в Рязань, к жене. Через две недели их развели. А ещё через месяц, уговорив тётушек в московском загсе, мы зарегистрировали брак. Тогда каждый день казался последним.

Саню много поливали дерьмом и при жизни, и после смерти. Постарались все, первая жена, школьные товарищи, те, кто сидели в лагерях и те, кто молчали на партсобраниях, за давностью лет их пафос поблек, бог им судья. Я иногда перечитываю эти наскоки на него и мне смешно. Как всполошились еврейчики, когда Саня опубликовал «Двести лет вместе». Один выдал нечто грациозное в своей беспомощности: «Книга очень правильная, но всё было не так». Что было не так, дорогие вы мои, объясните по-русски, нам, бестолковым. Никто не удосужился. Какой милый современный американский демократизм, если ты написал хоть слово плохое про евреев и негров, то незамедлительно антисемит и расист.

Саня умел бить не в бровь, а в глаз. Никто с ним не сравнится, ни из тогдашних, ни из нынешних. Он никогда не скрывал, что хочет быть великим, успешным, властителем дум. Разве это плохо? Готова согласиться, то, чем занимался Саня, не вполне литература. Но это важнее и нужнее литературы. Это был призыв, это был пример – не надо бояться, коли полон сил. Взятся за гуж, не говори, что не дюж. А если поджилки трясутся, так пиши тоннами макулатуру, на каждого Паустовского найдётся свой Эренбург. Или, в крайнем случае, Улицкая. Люди очень хотят, чтобы герои были похожи на них. И очень обижаются, когда Геракл проходит мимо, не поздоровавшись.

У нас была высокая планка. И смертельно опасная, не потому что Саню могли снова посадить, а меня растоптать, а потому что мы не хотели быть как все.

И Сане, и мне было скучно с эмигрантами. Мелкие козни, мелкие дразги, с благородным видом отхватить кусочек пирога, совсем небольшой, большого нам не надо, вдруг подавимся. Я не сомневаюсь, что для огромного большинства эмигрантов борьба с коммунизмом была не целью, а средством существования. Тошно было на них смотреть, тошно было с ними разговаривать, пусть свита играет короля без нашего участия. Мы сели на пароход и уплыли в Америку.

Сейчас наше поколение, вернее, ту совсем небольшую его часть, что диссидентствовала, попрекают, наломали, мол, дров, Советская власть рухнула, а что взамен – воры да деляги, коммунисты народ защищали, а сегодня демократы только грабят.

Замечательные мои мальчики и девочки, родившиеся в свободной России, не верьте тем, кто это говорит. Не диссиденты наломали дров, а ваши папы и мамы, ваши бабушки и дедушки, ваши прабабушки и прадедушки, которые терпели, сносили, молчали, плясали под чужую дудку и сетовали на кухнях, как хорошо живётся где-то там. Которые шеренгами, как на заклатие, шли в лагеря и на расстрелы, и никогда не востребовались, не перебили конвоиров, не вышли на улицы, а встали в длинные очереди за колбасой. Тараканам в стеклянной банке тоже хорошо живётся, их кормят, не бог весть как, но регулярно, и на солнце иногда выносятся. Советская власть защищала саму себя, хочешь с ней дружить, становись в строй. Приказали, лезь на амбразуру, велели говорить – попка дурак – шевели языком, не ленись. В Вермонте, затворившись от эмигрантских дразг, Саня однажды грустно сказал: «Наша страна это

один большой пример, какими не надо быть». Поэтому и рухнула Советская власть, как только выросло поколение, которое уже не проймёшь лозунгом: «Главное, чтобы не было войны». И пошло это поколение воровать, потому что генетическая память подсказывает, живи, пока молодой, трин-трава кругом, всё везде колхозное, всё везде ничье. Какой мы от них хотим честности, когда вся страна жила бесчестно десятилетиями.

Я не очень хотела уезжать из Америки, но я поехала, потому что я мужняя жена, моё дело следовать за мужем до гробовой доски, а после его смерти хранить и беречь его память. Сане было семьдесят шесть, когда мы вернулись в Россию. Мы ехали в поезде из Владивостока через всю страну с тяжёлым сердцем, у нас не было и капли эйфории, которой в конце восьмидесятых шелестели эмигрантские газеты: «Россия, восстав из пепла, преобразуется». Из пепла не восстают, да и та Россия, что рисовали в мечтах шестидесятники, давно умерла. В вагонном окне мелькали безбрежные просторы, загубленные бессмысленным хозяйствованием и бесчисленными жертвами: «Кто их будет поднимать? Это неблагодарная и почти непосильная работа».

Я смотрела по телевизору, как депутаты слушали выступление Сани. Одни дремали, другие изучали свои бумаги, третьи резались в компьютерные игры. Эти не успокоятся, пока не растащат всё до последнего гвоздя. Саня вернулся домой, я молча налила ему рюмку водки, он молча выпил, первый раз за последние двадцать лет.

Когда в шестьдесят восьмом году я познакомилась с Саней, он играл с советским правительством в очень опасную игру. Он заставил коммунистов сделать себя мировой величиной, он открыто и бесповоротно провозгласил, что всё это болтовня: про перегибы, что во всём виноват один только Сталин и его приспешники. Нет, сказал Саня, виной всему Советская власть и он противник её. И Советская власть сдалась, она его выпустила вместо того, чтобы расстрелять.

– А сейчас не с кем играть, – сказал Саня. – У тех были принципы, кровожадные, но были. А этим – похуй! Кажется, прав Гумилёв, поздно. Караван истории ушёл вперед, не дождавшись, пока мы очухаемся. Во всяком случае, надо радоваться, что умрёшь дома, а не на нарах или в эмиграции.

Когда я похоронила Саню, я могла уехать в Америку. Но я не уехала. Санино дело было здесь, в России. Поэтому я осталась. Я убедила власть включить сокращённый вариант «Архипелага» в школьные учебники. Я не хочу обсуждать его литературные достоинства или недостатки. Я знаю одно, более точной и ёмкой книги о сталинизме не написал пока никто. Если кто-нибудь сумеет написать, пусть немедленно заменят.

Я атеистка, в отличие от Сани, но всё же я хочу верить, что когда-нибудь Россия восстанет. Даже если для этого нет ровным счётом никаких оснований. Даже когда нет вообще ничего, люди поднимаются и начинают строить. Я очень хочу в это верить.

ДОЧЬ АКСАКАЛА

Что и говорить, обидное было прозвище. Никакой у Алки папашка был не аксакал. Папашка – его так мать называла. Сама Алла старалась произносить по-доброму: мой папа! И иногда отец. Отец звучало увесисто, солидно. Алка, когда первый раз устраивалась на работу и заполняла трудовую анкету, ей так это слово понравилось – отец, она даже добавила в анкету «мой», хорошо никто не заметил.

В общем, никакой он не аксакал, обычный клерк в обычном банке. Он ушёл из семьи, когда Алке было три года, связался с какой-то лахудрой. Это мать опять же так говорила, Алка никогда её не видела. С лахудрой отец прожил не так много, лет шесть, но в семью возвращаться не стал. Мать-то была не против, Алка хоть и кроха была, но хорошо это понимала. Но папа не захотел, и с тех пор вполне удачно холостяковал.

Встречались они регулярно, по субботам. Папа был человек застенчивый, не богатый, даже бедный по нынешним временам. Обычно зимой они ходили в «Макдональдс», летом отправлялись в парк, как в правило, в Битцу, Алка с матерью жили как раз недалеко. Однажды он повёл её в Третьяковскую галерею, но была страшная очередь, жарко было, Алка вся извелась в этой толчее, и отец сказал: «Давай в другой раз! Поехали, наверное, в гараж».

– Поехали! – с облегчением сказала Алка.

Вот так гараж и стал главным местом их встреч в выходные. У отца была старенькая пражская «Toyota», которую он лично когда-то, ещё до рождения Алки, пригнал из Владивостока, и всё свободное время и праздники он возился с ней в гараже.

Алка обычно устраивалась на скамеечке возле машины, гараж был большой, на восемь мест, там были всякие смешные дядьки, которые увлечённо выговаривали чудные словечки: сальники, свечи, шаровые. Пахло бензином и машинным маслом, и ей, городской девочке, этот запах приятно щекотал ноздри. Дядьки разговаривали об автомобилях, папа обихаживал свою развалюху, Алку никто не дёргал, не тыркал, она сидела себе тихонечко и наблюдала за всем этим мельтешением. Иногда её даже просили пособить.

– Пособи-ка мне, барышня! – говорил седой и пузатый Степан Георгиевич. – Я буду девятым ключом заворачивать, а ты отверткой прижимай. – Он показывал, где надо прижать, Алка уверенно и твёрдо управлялась с отверткой, как заправский подмастерье.

– Ну и славно! – говорил Степан Георгиевич, завершив дело. – Пойдём чай пить с бабушкиными шанежками.

Чай у него был удивительный, настоящий на травах, которые он собирал летом на даче. И пирожки, которые пекла его жена, с яйцом, с картошкой, с капустой, тоже были очень вкусные. В общем, здорово было в гараже, не скучно, лучше, чем в школе.

В школе к ней это дурацкое прозвище и прилипло: Алла – дочь аксакала. Одноклассники шутники были ещё те. Учительницу немецкого, Аллу Викторовну, вообще окрестили: Алезинда лысая... сами догадываетесь, что. Да и класс у них был не очень-то дружный. К тому моменту, когда Алка училась в начальной школе, в их районе понастроили «элитного» жилья (парк всё-таки рядом) и класс больше чем наполовину состоял из детей обеспеченных родителей, как московских, так и понаехавших из разных других весей. Так что учительнице истории не надо было задумываться об иллюстрациях социального неравенства в капиталистическом обществе. Оно, это неравенство, демонстрировало самое себя каждый день с девяти до двух, кроме субботы и воскресенья, в мобильных телефонах, айпетах, планшетах, марках одежды, которые носили ученики и ученицы, в разговорах, кто где провел лето, в общем, во всём, в каждой буквально мелочи. Какая уж тут общность интересов...

Поэтому подруга у Алки была одна, Людка, соседка по дому. Родители Людки работали в метрополитене, отец – машинистом, мать – кассиршей, часто во вторую смену, домой приходили в ночи, у Людки можно было сидеть вечером, чайку попить, поболтать, просто телек посмотреть. Тем более что квартира Людки была этажом ниже.

Это был существенный момент. Мать воспитывала Алку в строгости. Появиться дома после десяти вечера это почти что вселенская катастрофа, Алке такое даже в голову не приходило. Никакой косметики, никаких украшений, мыть по утрам посуду, а по выходным драить полы, это как Отче наш прочесть в старорежимные времена, про которые иногда вспоминала, шамкая, дряхлая девяностолетняя прабабушка, жившая в Калужской области и в деревню которой Алку отправляли летом.

Лет в четырнадцать, правда, ударившись перед отцом в слёзы, Алка упростила его, чтобы тот уговорил мать разрешить ей сделать маникюр. Тот поговорил, мать, скрипя зубами, согласилась. Вдвоём с Людкой они нанесли на ногти угольно-фиолетового цвета лак, дождалась, когда просохнет, оделись понаряднее, и пошли во двор демонстрироваться.

Там их и встретила мать, возвращавшаяся с работы.

– Эмо! – не оценила красоты мать. Алка удивилась, надо же, слово такое знает.

– Пошли со мной! – вздохнув, сказала мать. – Красы неземные!..

Дома она сделала им человеческий маникюр, выдала Алке некоторое количество денег, объяснив, какие ножнички и пилочки надо купить, а потом на кухне долго разговаривала по телефону с папой.

«Девочка вырастает... – доносились до Алки, зубрившей в своей комнате нудный английский, отрывки разговора. – Я понимаю, что у тебя небольшая зарплата, но я тоже кручусь как белка в колесе. У тебя, что, много дочерей? Вот и я говорю – единственная...»

К окончанию школы, к семнадцати годам, Алка была вполне сформировавшейся девушкой. Не супермодель, конечно, но вполне симпатичная. В учёбе она была твёрдая «хорошистка» с очевидной склонностью к точным наукам, вернее к автомобильной технике. Автомобили, разумеется, зарубежные, стали её страстью скорей явной, чем тайной, поскольку технические журналы, разбросанные по всей квартире, мать равнодушно считала чудачеством, а Людку всё больше интересовали те, кто сидит за рулём авто. В гараже, само собой, девица, внятно объяснявшая параметры поршневого V-образного двигателя с инжекторным впрыском и быстро, чётко, с расстановкой выдававшая преимущества японских внедорожников перед всеми остальными («если, конечно, родная сборка!» – не забывала добавить Алка), вызывала неизменную бурю восхищения. Даже пузатый Степан Георгиевич, живший по абсолютному убеждению Алки где-то на переходе от каменного века к бронзовому, сказанул однажды папе: «Продвинутая у тебя чика вымахала!» И закивал головой точно как негр рэпер из телевизора, он ещё в кепке был, вполне косившей под бейсбольную, Алка чуть не лопнула от смеха. Отец улыбнулся, но промолчал.

Отец провожал её домой из гаража поздним майским вечером. Весенние грозы уже отгрохотали, было тепло и влажно.

– Я вот что думаю, – вдруг сказал папа. – Может тебе в автодорожный институт поступить?

Сердце у Алки сначала сжалось, а потом заколотилось с бешеной скоростью. Мимо них, разбрызгивая лужи, промчалась белоснежная «бэшэчка» как талисман наступающего счастья.

– Там только платное обучение, – едва дыша, сказала Алка. – Я узнавала уже.

– Я знаю. Я поговорил с начальством в своём банке. В общем, мне готовы предоставить кредитную линию под твоё обучение.

– Ты маме сказал? – спросила Алка.

– Нет ещё. Скажу после выпускного. Вы же пригласите меня в гости?

– Ну, конечно! – сказала Алка. – О чём ты спрашиваешь, папа?..

С этим выпускным балом в школе произошёл натуральный скандал. Родители той части класса, которая проживала в «элитных» домах, настаивали на проведении бала в дорогом и модном ресторане. Родители второй половины класса тоскливо пересчитывали в уме свои копейки и, мягко говоря, возражали. Гера Сергеевна, классная руководительница, учитель биологии с солидным педагогическим опытом, угрюмо взирала на накалявшиеся на последнем родительском собрании страсти и, наконец, попыталась воззвать к голосу разума. Едва она приступила к монологу про «этот светлый день в жизни юношей и девушек – день окончания школы...», как её оборвала председательша родительского комитета, заявившая, что она очень надеется, что её сын как можно быстрее забудет эту... Далее она добавила слово, от которого покойник Макаренко, без сомнения, несколько раз перевернулся в гробу. Раздался невероятный шум и гвалт, но консенсуса всё равно достигнуто не было. В результате одна часть класса после официального мероприятия в школе отправлялась в искомый ресторан, а остальные, куда они, собственно, смогут.

Алка такому повороту событий была только рада. Практическая жилка в её душе настойчиво повторяла, что это очевидная глупость купить дорогое платье и туфли, чтобы один раз

понтануться перед придурками-одноклассниками в ресторане за бешеные деньги, которых всё равно нет. И потом Алка была совсем не согласна с этим чудиком, провозгласившим, что все мы родом из детства. Честно говоря, Алка в детстве ничего привлекательного не находила. И, честно говоря, она только радовалась скорому прощанию со школой.

В утро выпускного дня они с матерью испекли их «фирменный» торт «Рыжий Генрих», затем Алка скоренько сходила в школу, выслушала все эти фальшивые пожелания грандиозного будущего и со всех ног помчалась домой – ждать прихода папы.

Отец пришёл около восьми вечера, принёс две бутылки шампанского, они выпивали, ели торт, и захмелевшая с непривычки Алка умильно думала, что вдруг они снова сойдутся.

– Чего-то я не поняла с этой кредитной линией, – говорила мать. – Тебе денег сколько дают и когда?

– Денег дают сколько надо, – успокоил отец. – Но траншами, то есть частями. За месяц до начала каждого учебного семестра и так все пять лет. Это выгоднее с точки зрения выплаты процентов.

– Хитро как! – сказала мать. – А твой банк не лопнет?!

«Нет, не сойдутся!» – подумала Алка.

– Не лопнет! – сказал отец. – Армяне из Ливана хозяева.

– Ну, эти у Христа за пазухой, – сказала мать и хотела развить тему, но её перебил звонок в дверь.

– Это ещё кто? – удивилась мать. – Мы вроде никого не ждем. Алка, тебя, что ли, кавалеры пришли поздравлять?!

Алка открыла. На пороге стояла Людка.

– Привет! – сказала Людка. – С окончанием тебя...

– И тебя с тем же! – сказала Алка.

Если бы Алка сама не была выпившая, она, конечно, поняла бы, что Людка сильно под шафэ. Но бес, а вернее, зелёный змий попутал.

– У нас там тусовка небольшая, – сказала Людка. – Родители на всю ночь квартиру оставили, поехали к родственникам. Пошли ко мне, отметим праздник.

– Да поздно уже, – сказала Алка. – Почти одиннадцать...

– Да ладно, – настаивала Людка. – Ты уже не гимназистка...

– Подожди, я матери скажу, – сказала Алка.

На кухне отец и мать негромко беседовали.

– Мам, я схожу к Людке ненадолго.

– Сходи, – сказала мать. – Ключ возьми, я скоро спать лягу.

Алка надела модные джинсы с прорезями, чистую блузку, мельком взглянула на себя в зеркало и вернулась к Людке: – Ну, пошли!..

В Людкиной квартире веселилась небольшая компания смешанного состава.

– Вот теперь поровну, – сказала Людка. Мальчиков было пятеро, а девочек, без Алки, четверо, так что Людка сообщила сущую правду. – Знакомьтесь, моя лучшая подруга Алла.

Вся компания, особенно её мужская составляющая, с любопытством уставилась на Алку. Алка тут же пожалела, что пошла с Людкой.

Нельзя сказать, что Алка была диковата. Хотя, безусловно, строгость материнского воспитания дала свои плоды, и если кто-нибудь внимательно расспросил Алку о критериях оценки носителей мужского достоинства, то скоро бы начал улыбаться: таких даже в сказках не бывает!

С Людкой они, естественно, посмотрели в те вечера, когда её родители пропадом пропадали в подземном царстве метрополитена, некоторое количество порнофильмов, но ничего, кроме лёгкого чувства брезгливости, они у Алки не вызвали. На самом деле Алку несколько не смущало, что она ещё девственница, она об этом и не задумывалась.

Впрочем, обстановка была вполне цивилизованной. Пили вино, танцевали, смеялись каким-то шуткам, в содержание которых Алка не очень въезжала, но из вежливости смеялась вместе со всеми. Народ постепенно распределялся по парам.

На диванчике возле Алки оказался молодой человек, которого звали вроде бы Игорь. Представление Алки произошло так быстро, что она толком не запомнила, кого как зовут.

– Людка сказала, ты машинами увлекаешься? – спросил парень.

– Ага, – сказала Алка. – Я в автодорожный буду поступать. А ты куда, м-м-м...

– Игорь, – напомнил парень. – Я – в Академию госслужбы. Практически уже одной ногой там, на прошлой неделе договор на обучение подписали. Мне баллов без вступительных экзаменов хватило.

– А я ещё не знаю, – сказала Алка. – В автодорожный конкурс большой.

– А мне отец обещал на совершеннолетие свой крузак подарить, – сказал Игорь.

– Круто, – сказала Алка. – Какого года?

– Девятого. Но в идеальном состоянии, отец с него пылинки сдувает.

– Круто! – повторила Алка.

– Может, потанцуем? – спросил Игорь.

– Как-то не хочется, – сказала Алка. – «Land Cruiser» самый популярный джип в Арабских Эмиратах.

– Интересно, – сказал Игорь. – Я не знал. Ты вино будешь?

– Давай, – сказала Алка. – Они по пустыне, знаешь, как на джипах ездят?

– Как? – спросил Игорь и подлил Алке вина.

– Шины спускают почти до нулевой атмосферы и скользят по гребням барханов. Красиво!..

– Когда-нибудь попробую, – сказал Игорь. – Ты, кстати, в выходные что делаешь?

– Не знаю, – сказала Алка. – К поступлению буду готовиться.

– Приезжай ко мне дачу, – предложил Игорь. – Мне отец разрешает по окрестностям ездить. Покатаемся!

– Да как-то неудобно, – замялась Алка. – Мы едва знакомы.

– Да ладно. Я родителям скажу, что ты моя подружка.

– Я уже твоя подружка, – засмеялась Алка. Вино вскружило ей голову.

– Приезжай, – Игорь придвинулся к ней ближе. – Ты же в машине наверняка не пробовала...

– Чего не пробовала? – честно не поняла Алка.

– Ну как чего? – Игорь придвинулся совсем близко и попытался обнять её за плечи. – Ты маленькая, что ли?

– Дебил! – Алка оттолкнула его, вскочила на ноги и быстрым шагом пошла к входной двери. Из ванной выглянула Людка: – Ты уже домой?..

– Да! – резко сказала Алка, открыла дверь и оказалась на лестничной площадке. Здесь, успокоившись, она, фыркнув, произнесла: «Придурок! В машине ему, видите ли, захотелось...»

Лето пролетело быстро. Первого сентября Алка стояла среди высоких колонн центрального портала института. На вступительной лекции дали слово бывшему премьеру, седоватому приятному мужчине с обходительными манерами, который здесь когда-то учился. Бывший премьер очень понравился Алке и даже бородатые студенческие шуточки, которые тот позволил себе в конце речи, искренне рассмешили её.

Ей в институте нравилось решительно всё. После торжественной лекции студентов распределили по учебным группам. В Алкиной группе было пять мальчиков и одна девушка, Зарема, чеченка из Гудермеса. Слишком ярко окрашенная, с точки зрения Алки, она снис-

ходительно посматривала на сокурсников, одетых по укоренившейся молодежной моде предельно по-раздолбайски.

«Ну, эта по другой части!» – подумала Алка и как в воду глядела – Зарему на занятиях они так ни разу и не увидели.

– Мужской коллектив это хорошо, – одобрительно сказала мать, когда Алка вечером рассказывала ей о группе. – Дисциплинирует...

Дни мчались наперегонки. Занятия продолжались до шести вечера, потом надо было добраться до дома, так что Алка выматывалась, как никогда в жизни. Поболтать с Людкой было совсем некогда, в выходные она спала как сурок, да и отношения после тогдашнего случая охладелись. Однажды тёмным декабрьским вечером, возвращаясь из института, Алка столкнулась с ней, только что вышедшей из мерседеса S класса.

– Богато живем! – сказала Алка.

– Секретаршей в юрконтору устроилась, – сказала Людка и потянулась. – Нормальная работа...

– У вас там всех по домам развозят? – поинтересовалась Алка.

– Всех не всех, а кого надо – возят! – нагло ответила Людка и пошла в подъезд, не попрощавшись.

По результатам первого семестра десять самых отличившихся студентов, и среди них Алка, поехали на короткую производственную стажировку на фордовский автосборочный завод в Выборге, а потом на две недели, на все зимние каникулы, в пансионат возле Кижей. Проживание в пансионате любезно оплатил завод, Алка с утра до вечера гоняла на снегоходе по карельским просторам, по вечерам был вкусный ужин, потом танцульки, Алка летала в облаках, каталась как сыр в масле, всех народных поговорок не хватит, чтобы выразить то удовлетворение жизнью, которое она испытывала.

В конце мая, под самое завершение курса, к ней подошла дурацкая блондинистая Вера Михайловна, замша по учебной работе для деканата и Вермишель для всего остального люда.

– Скрынникова! – сказала Вермишель. – Напоминаю, до пятнадцатого июня надо оплатить следующий учебный год.

– Не волнуйтесь, заплатим! – беззаботно ответила Алка.

– А я и не волнуюсь, – сказала Вермишель. – Я своё уже отучилась. Это тебе надо волноваться...

– Да-да... – сказала Алка, прозвенел звонок, и она побежала на лекцию. – Надо папке позвонить, напомнить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.